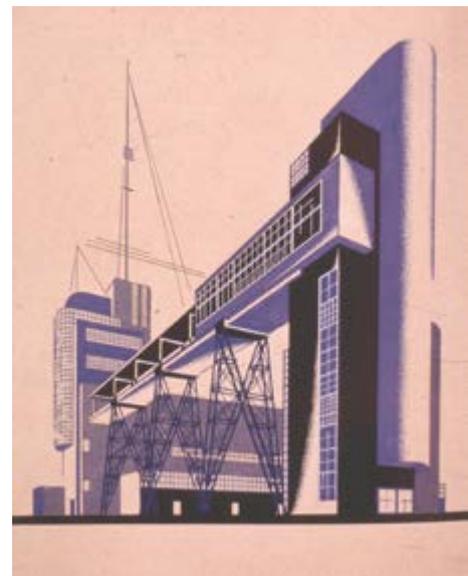

В статье представлена концепция современной архитектуры как воплощение новых архитектурных идей, основанных на стремлении к будущему, к новизне и прогрессу. Автор прослеживает развитие мировой архитектуры – от классического периода, постмодернизма, функционализма и минимализма до современной архитектуры. Принимая во внимание современное представление о стиле, красоте и гармонии, автор прогнозирует формирование нового («многостильного») этапа развития архитектуры, характеризуя его термином «постфункционализм». По мнению автора, одной из тенденций постфункционализма будет создание новых компактных городов со сложной внутренней пластикой.

Ключевые слова: современная архитектура; метаморфозы; «многостильный» этап развития архитектуры; постфункционализм. /

The article presents the concept of 'contemporary architecture' as an embodiment of new architectural ideas based on the movement towards the future, innovations and progress. The article studies development of world architecture from the classic period, through post-modernism, functionalism and minimalism and back to the classical elements and the contemporary architecture. Taking into account the remarkable extension of the contemporary idea of style, beauty and harmony, the author predicts the 'multistylistic' stage in the development of architecture described as postfunctionalism. The author assumes that the creation of new compact cities with complex inner plastics will be one of the trends within postfunctionalism.

Keywords: contemporary architecture; metamorphoses; 'multistylistic' stage of development of architecture; postfunctionalism.

^ Фантазия Якова Чернихова. Символ грядущей современной архитектуры 30-х годов

Современная архитектура и город / Contemporary Architecture and the City

В этой статье под современной архитектурой подразумевается то давнее ностальгическое понятие, которым мы пользовались почти весь XX век. Есть и другие названия этого явления: функционализм, интернациональный стиль или (более редкое) эпоха великих мастеров. Но, благодаря журналам «СА» и «L'architecture d'aujourd'hui», в русском переводе «Современная архитектура», этот термин более привычен для нашего слуха. Меня заинтересовало, насколько термин «современная архитектура» соответствует тому значению, которое он приобрел в начале прошлого века? Это рудимент или реальное живое понятие? И вообще, что происходит в наши дни с архитектурой и градостроительством?

История. Сто лет назад шла жестокая борьба новой, пуританской архитектуры за место под солнцем. «Современная» – это набор известных авторов, течений и пластических сочетаний. В ее материальной основе – металл, стекло и бетон. «Не современная» – это те или иные ордерные сочетания, модерн, эклектика и вообще любой историзм. Новый город – это широкие проспекты и дома, свободно стоящие под солнцем. Старое – это узкие улицы и темные дома колодцы¹.

Поначалу новый стиль формировался в Европе. Позже включилась Америка, а к 60-м – Япония и другие страны. Тогда «современную архитектуру» возглавляли четыре кумира, четыре великих мастера: Ле Корбюзье, Фрэнк Ллойд Райт,

Вальтер Гропиус и Мис ван дер Роэ. Новая архитектура призвала ценить не показную красоту, а зеленые просторы, солнце в окнах и свежий воздух в комнатах. Призывала строить много и быстро (население-то росло). Никаких портиков, фронтонов и каменных рустовок, собирающих грязь. Не дворцы, а дешевые дома для простых людей. Никакой пыли в интерьере! Никаких пуфиков и гардин. Какие невероятные перспективы сулил технический прогресс!

До этого, если у человека немного повышалось благосостояние, тут же возникала необходимость в уборщицах, поварах, экономках. А теперь стало возможным обойтись без прислуги. Появились холодильники, пылесос, газовая плита, стиральная машина. Жизнь стала более демократичной. В строительной области тоже рождались новые технологии: асфальтоукладчики, подъемные краны, бульдозеры, самосвалы. Интенсивно внедрялись сотни отделочных материалов, металлоконструкций, бетон, асфальт. Однако это было только начало.

Классический период современной архитектуры легко узнаваем благодаря стилю. Но архитектура великих мастеров породила не только стиль. Функционализм резко раздвинул диапазон пластических средств. Зодчие освоили неведомые доселе силуэты и формы зданий. Появились огромные стекла, новые виды поверхностей, раздвижные стены, открыто-закрытые пространства и т. д. Началось освоение подземного, надземного

и водного пространства, а потом и космоса. Всего этого ранее не существовало. «Музыка пространств» за этот период стала гораздо сложнее. Какая эйфория царил тогда среди приверженцев нового течения! Какой отсталой представлялась старая, классическая, архитектура

Ле Корбюзье (я буду часто упоминать это имя, поскольку он был первым среди великих), проиграв конкурс на Дворец Наций в Женеве, издевался над победителем Пьером Ваго. Он утверждал, что функциональное построение его дворца примитивно, а фасад, перегруженный украшениями, помпезен и некрасив. Толстые стены из камня дороги, затхлые интерьеры лишены света и солнца. Казалось, эти утверждения безукоризненно справедливы. Появилась уверенность, что новая архитектура, наконец, нашла свое русло. Но все оказалось гораздо сложнее.

Уже в 30-е годы началось расшатывание постулатов и понятий, содержащихся в многочисленных хартиях, декларациях, меморандумах и принципах, относящихся к современной архитектуре. Тезисы Финской хартии и лозунги SIAM, призывавшие вместо тесных кварталов в центре городов строить дешевые дома за городом, среди солнца и зелени, не оказались услышаны. Через десяток лет стоимость жилья в тесном городском центре стала выше, чем на периферии. Плотность социальных контактов оказалась предпочтительнее зеленых просторов.

Лозунги стандартизации (штамповать дома, как автомобили) тоже не вызвали энтузиазма. Знаменитый, штампованный поселок Пессак, построенный Ле Корбюзье, не выдержал испытания временем. Там все однотипные дома были перестроены под нужды владельцев. Дома, естественно, потеряли первоначальную стилевую элегантность, но никто, кроме историков функционализма, не увидел в этом ничего плохого.

Архитектура не могла стоять на месте. После снятия ордерных ограничений все силы зодчих были направлены на поиски новых пластических форм, идущих вразрез с манифестами ранних функционалистов. Даже тезисы Ле Корбюзье, превозносившие прямой угол «для людей», в противовес кривой дороге «для ослов», завершили его же «кривыми» произведениями. Появился «ленточный» проект нового Алжира, «нелинейный» павильон фирмы «Филиппс» и пластичная капелла в Роншане. В начале 60-х начал набирать силу «разгул» архитектурных форм. Каждая страна, каждый город, каждый архитектор пытались сотворить нечто особенное. В этой ситуации противопоставлять одну архитектурную форму другой не имело смысла. Стерильный функционализм стал терять свою силу. Побеждала «всеядность».

Современная архитектура начала ветвиться, превращаясь в некое раскидистое дерево. Внутри нее возникли самостоятельные стилистические течения. Стали сменять

^ Ле Корбюзье. Вилла Савой. Изысканный минимализм (20-е годы)

^ Ле Корбюзье. Часовня Роншан. Отказ от прямых углов (50-е годы)

друг друга неолиберти, футуризм, неопластицизм, архитектурный конструктивизм, неоклассицизм, органическая архитектура, метаболизм, новый брутализм и т. д. Чем больше появлялось «измов», тем более размытым становился привычный образ современной архитектуры. Можно сказать, что это направление «постарело» и потеряло определенность своего первоначального значения.

Еще одна потеря. Современная архитектура всегда базировалась на устремлении в будущее, к новизне и прогрессу. Но непрерывное производство «новизны» обесценило этот процесс, и он обернулся своей противоположностью – увлечением стариной. Появился интерес к охранительству, возникли ретростили, расцвели

идеи воссоздания утраченного, историзм, постмодернизм и т. д. Это был серьезный удар по современной архитектуре. Постепенно, получив историческую перспективу, функционализм, видимо, влился в единую историко-архитектурную реку, став предметом истории.

Взрыв. Вернемся в середину прошлого века. Тогда для фанатиков современной архитектуры каждое здание из стекла и бетона считалось событием. Еще в 60-е значимых построек было мало. Помню обложку «L'architecture d'au jourd'hui» 1960 года. На ней поместились все лучшие произведения предыдущего десятилетия. Это были постройки в Европе, США, Бразилии и Японии. Мы знали их «в лицо». Знали авторов. Но интернациональный стиль, как степной

пожар, распространился по всему миру. В строительной гонке стало участвовать огромное число стран, названия которых даже не всем известны. Сказывались различия в уровне развития строительных технологий, национальных традициях и авторских амбициях.

Количественный взрыв породил и другие проблемы. Прошло не более тридцати лет, и понятие «современная архитектура» разделелась на два основных потока. Поток Мис ван дер Роэ – это массовое, коммерческое строительство офисов, обычно в виде неких стеклянных небоскребов. Поток Ле Корбюзье – это поиски новых индивидуальных форм, заполняющих элитные журналы.

Начнем с небоскребов. Великие мастера возлагали на них большие

1. См. положения Афинской хартии.

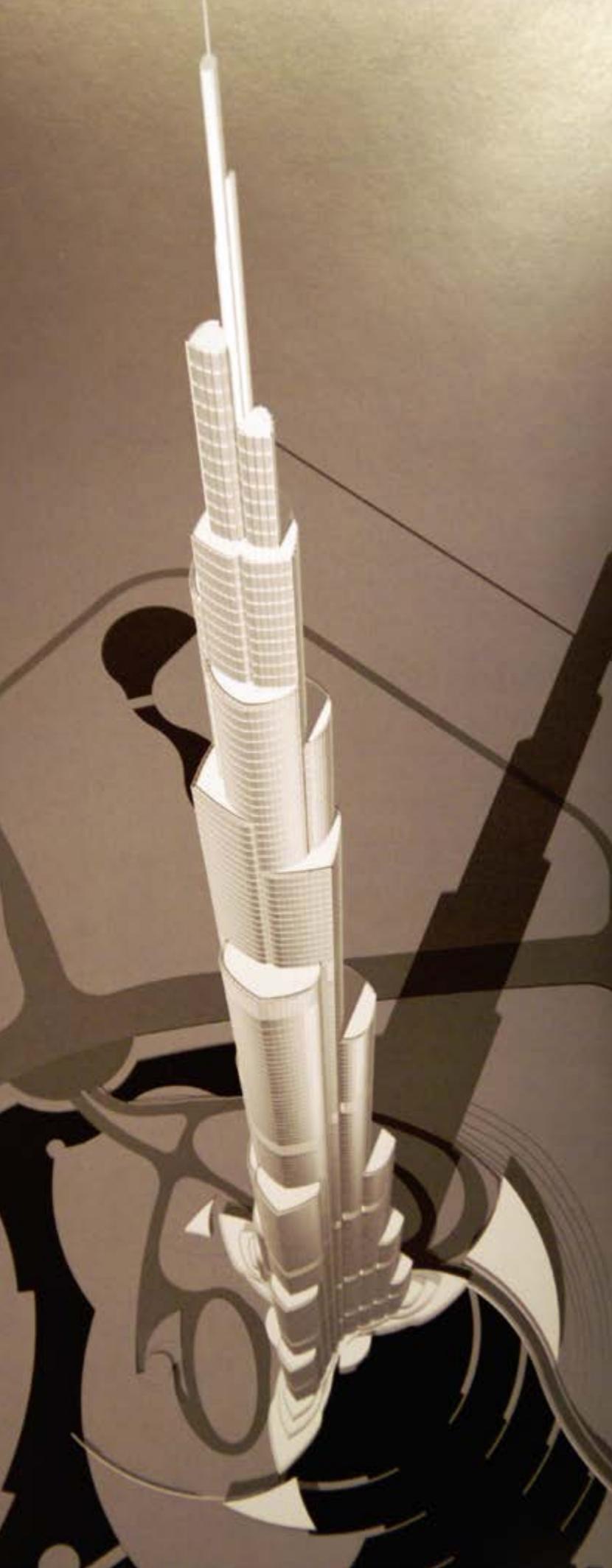
надежды. Мис ван дер Роэ построил Сигрем-билдинг и жилые дома на Лейк-Шор-Драйв, определив на многие годы стиль высоток во всем мире. Ле Корбюзье проектировал жилые небоскрежные центры в городе на три миллиона жителей. Их же он предлагал Парижу и Москве. Дезурбанист Фрэнк Ллойд Райт разработал город – дом в виде полуторакилометровой высотной башни. Небоскребы заполнили Манхэттен. Но время неумолимо мчится вперед, и эра небоскребов постепенно проходит. Если не считать странноватый деловой центр «Москва-Сити», высотки перестали «возбуждать» европейцев. В последнее время они перекочевали в Азию. Сегодня образ азиатских высоток далек от классической современной архитектуры. Пожалуй, одно из

^ Ле Корбюзье. Линейный Алжир. Полный отказ от небоскрежной сетки современного города (50-е годы)

^ Ле Корбюзье. Фрагмент макета небоскрежного Парижа будущего (20–30-е годы)

^ Гонконг. Самый плотный небоскребный город

2. Авторы нового классицизма – Терри Фарел, Пауль Гибсон, Роберт Адам, Аллан Гринберг и др.

< Игла Ф. Л. Райта. Город на 10 тыс. жителей (50-е годы)

немногих мест, где небоскребы создают уникальную городскую среду, это Гонконг. В остальном Китае и Эмиратах «стекляшки» стали покрывать километровые пространства, превращаясь в заурядную фоновую застройку. Зрелище удручающее! Этокое царство скороспелок. Вот где традиционный интернациональный стиль, загнивая, доживает свой век. Даже в шанхайском Падунге, где все высоты демонстрируют индивидуальность, они выглядят как парфюмерные флаконы на полках универсама. Но что интересно, китайцы относятся к ним как к символам грядущей архитектуры. А что если они правы?

Теперь о линии Ле Корбюзье. Уникальные здания появляются постоянно. Среди них есть прекрасные работы. В то же время новизна все меньше интригует зодчих. Все чаще необычная форма воспринимается как рекламный акт или аттракцион. Например, «фаллос» в центре Лондона, «капельсин» напротив Кремля, «жуки» в Севилье или «факел» в Петербурге. В наше время о «сегодняшней» архитектуре издаются 1000-страничные книги, фильмы, диски, работает интернет, но весь этот информационный вал с трудом может охватить 10 % построенных объектов. Но даже среди этого множества интересных построек не больше 1%. В душе мало что задерживается. Все ждут откровений, но они появляются все реже и быстро надоедают. А это порождает профессиональное безразличие к новым формам.

Ордер. Как это ни странно, среди многообразных явлений современной мировой архитектуры значительную роль начинает играть, казалось бы, побежденный классический ордер. Это произошло после того, как выяснилось, что стекло и бетон не столь хороши, как ожидалось. Они не смогли претендовать на всепобеждающие материалы будущего, как прогнозировали классики современной архитектуры. В то же время традиционная «толстая» каменная стена, отделанная ордером, над которой так издевался Ле Корбюзье, не собиралась сдаваться. Во многих случаях эта система оказалась предпочтительнее стекла и бетона. В семидесятые классика вернулась в виде постмодернизма. Она не теряет своих позиций и по сей день. Элитные клубы, виллы, любая контекстуальная архитектура или воссоздание утраченного не обходятся без ордерных реминисценций, даже в одноэтажной Америке. В этом плане интересно проектирование и строительство Paternoster Square в Лондоне, выполненное, по мнению авторов, в стиле нового классицизма².

Следует вспомнить и невероятные метаморфозы, связанные с современной архитектурой, произошедшие в СССР. В начале прошлого века неожиданно сквозь господство Перетяпковичей, Шехтелей и Рербергов пробилась ростки конструктивизма, и наша страна стала одним из мировых центров нового движения. Но в середине 30-х случилось неожиданное.

^ Мис Ван дер Роэ. Сиграм-билдинг. Один из первых стеклянных небоскребов, открывший эру нового небоскребо-строения

^ Кен Янг. Зеленый небоскреб

^ Шанхай. Новый центр Падунг

3. См. работы по семиотике Тартуской школы, в том числе Ю. Лотмана. Архитектурной семиотикой занимался Умберто Эко.

4. Взаимозависимость ордерных элементов хорошо демонстрирует Палладио в «Четырех книгах об архитектуре».

Конструктивизм был по приказу свыше заменен неким пролетарским классицизмом. Распространено мнение, что классицизм был любимой архитектурой Сталина. Думаю, дело в другом. Народ не понимал и не принимал эстетику и философию конструктивизма. Элегантные, летящие, пересекающиеся под прямым углом композиции, восхищали только архитектурную элиту. Кроме того, надо понимать, что архитектура двадцатых шла за некими социальными лозунгами. Призывы к обобществлению быта, к казенной предопределенности жизни и к вторжению государства в семью не вызывали в народе ничего, кроме глухого недовольства. В этой ситуации вождь сознательно стал потакать массам, прекратив сомнительные опыты «оголтелых троцкистов». Так родился ордерный пролетарский классицизм в архитектуре и социалистический реализм в искусстве, просуществовавшие не одно десятилетие. В нашей стране это был серьезный удар по интернациональному стилю. Однако трудно представить современную Москву без сталинской архитектуры

Тут уместно отвлечься и попытаться понять, почему именно античная ордерная система стала одной из альтернатив современной архитектуры. После очистительного дождя функционализма, смывшего классический ордер, могли возродиться другие стили и другие ордера. Почему, например, не возродился ордер египетский, минойский, персидский или майя?

Или еще более совершенный, готический. Попыток было много, но из них ничего значимого не получилось. А античный ордер не только жив, но и развивается. Десятки молодых зодчих заново исповедуют классику. Почему он оказался столь устойчив во времени?

Язык. Пора привыкнуть, что архитектура – это своеобразная знаковая система³. Мало того, она имеет признаки некоего языка. Язык – это не только то, чем мы пользуемся, читая и разговаривая. Вообще все, что человек видит – он «прочитывает». И так, если архитектура – это своеобразный язык, то любой развитый язык обладает грамматикой. Так вот античный ордер построен по четкой грамматической системе. Его элементы: пьедестал, цоколь, база, колонна, капитель, архитрав, фриз, карниз и, наконец, фронтон – подчинены строгой тектонической взаимозависимости³. Кроме того, фразы, написанные на ордерном языке могут передать сотни смысловых оттенков. Он бывает простым и сложным, спокойным или героическим. На фризе или фронтоне, как на картинке в книжке, легко изобразить любое событие или действие. Люди за сотни лет привыкли к ордеру и легко его читают.

Вспомним, как языковые свойства архитектуры использовались в советских городах. В них появились общедоступные дворцы с ритмами гигантских колонн и рустованными фасадами. Их фронтоны и фризы с бесконечными барельефами изображали будущую счастливую и бо-

v Норман Фостер. Фаллический символ в лондонском Сити

^ Сталинский классицизм. МГУ на Ленинских горах

^ Советские пятиэтажные города

v Высотный дом на Котельнической набережной. Наглядная демонстрация будущей счастливой жизни

гую жизнь. Людям это нравилось. А современная архитектура демонстрировала всего лишь стерильный минимализм, который «прочесть» (или хотя бы понять) мог только профессионал. Напомню, со времен иконоборчества простое и понятное изображение, как правило, побеждало абстрактную идею.

Деталь. Не только стремление к чистым формам, лишенным изобразительности, было ахиллесовой пятой функционализма. В нем отсутствовали детали. Известный конструктивист Михаил Барщ объяснял нам, студентам, что резкий переход от функционализма к сталинскому классицизму был основан не только на приказах свыше. Когда делегация советских архитекторов (конструктивистов по преимуществу) посетила Италию, стала ясна огромная роль детали в классической архитектуре, а современная архитектура детали не имела.

Видимо, Ле Корбюзье тоже понимал это. Изобретенная им измерительная система «Модульор», казалось, вводила деталь в современную архитектуру. Сотни архитекторов увлеклись «Модульором», надеясь на открытие у функционализма нового дыхания (я был среди них). Но этого не случилось и «модульные» поиски потеряли популярность. В СССР в тот период наблюдалось повальное увлечение «золотым сечением» применительно как к классике, так и к современной архитектуре. Есть люди, до сих пор ищущие тайну деталей в золотом сечении. Пока безуспешно.

Завершая рассуждения о советской архитектуре, нельзя не упомянуть и о том, что в России есть слой архитектуры, который вообще неизвестно как назвать. Со середины 50-х в СССР сталинский классицизм сменился неким хрущевским практицизмом, который просуществовал до 90-х. Появились хорошо знакомые панельные пятиэтажки, пилонады, облицованные отваливающимися каменными плитками, бетонные офисные коробки с унылым ритмом окон и бесконечные заводы с грязными стеклами. От западных строительных технологий мы были очень далеки. В СССР на использование каждого куска металла, стекла, камня и даже кирпича требовалось специальное разрешение. Трудно пока понять, что это была за архитектура. Тупик или странное ответвление от мировой линии. Во всяком случае, в СССР никому и в голову не приходило, считать этот минимализм современной архитектурой. Жалко, поскольку тогда в стране работали десятки прекрасных зодчих.

Но вот наступили 90-е, и каждое здание, построенное в России по зарубежным стандартам, воспринималось как прорыв к современной архитектуре. Мало кто замечал, что это были всего лишь коммерческие постройки средней руки. И опять-таки это не потому, что не было хороших зодчих. Во-первых, в России уровень строительства и особенно набор выпускаемых стройматериалов всегда был очень низок. И низок до сих пор. Во-вторых, нестандартные сооружения

^ Современная площадь Патерностер в Лондоне (80–90-е годы)

^ Япония, Иоккогама. Траволаторная улица будущего

всегда затратные, а поэтому «шедевры» у нас не культивируются. Экономика слаба. А окружающая нас архитектура и есть «застывшая экономика».

Постфункционализм. Если современная архитектура стала предметом истории, то архитектура сегодняшнего дня появляется повсеместно. Следуя логике данной статьи, для нее можно применить термин «постфункционализм». Кто же в мире является его лидером?

На этот вопрос молодой коллега, немного помедлив, перечислит: Химельблау, Эгерат, Фрэнк Гэри, Заха Хадид, Либескинд, Колхас, Питер Айзман и, конечно, Норман Фостер. Мало кому в голову придет назвать какое-либо азиатское или латиноамериканское имя (разве что Кен Янг). Это архитектура «не нашего круга», видите ли. А ведь именно там, в Азии, идет сейчас самое интенсивное строительство, и там можно ожидать рождения новых архитектур. Я имею в виду не только Японию, Сингапур или Гонконг, но и Корею, Индию, Индонезию, Малайзию, Китай и, конечно, Эмираты.

Прежде всего следует обратить внимание на Китай. Китай! Это другой мир, другая культура. Китайцы смотрят голливудские или гонконгские фильмы. У них своя музыка, литература, поэзия, живопись и, наконец, своя философия. Китай живет совершенно самодостаточной жизнью. У них есть все – от космических ракет до уникальной фармацевтики. Убеден, что

сотни миллионов простых китайцев не подозревают о существовании Европы. Так вот, там сейчас идет гигантское строительство. Причем речь идет не только о Пекине. Огромные небоскрежные районы появились в Шанхае, Ганьджоу, Сычуани. Город Шанжень буквально за 15 лет из бедного 40-тысячного городка превратился в 10-миллионный небоскрежный мегаполис, растянувшийся на 100 километров. А таких городов несколько. Пока там господствует довольно примитивные «стекляшки», но появляются уже очень интересные вещи. К этому следует добавить десятки парков развлечений, удивительных аэропортов и лучших в мире скоростных магистралей.

Фантастическое строительство ведется и в Эмиратах, и постоянно в массе новостроек появляется нечто новое и интересное. За несколько лет в голой пустыне выросли гигантские города. За то время, пока в Москве, надрываясь, пытались построить «Сити», в Эмиратах, как миражи, осуществились строительные фантазии, достойные Синдбада-морехода. Море небоскребов во главе с 800-метровым гигантом. Сотни гектаров зеленых рощ, орошаемых потоками пресной воды. Снежные трассы среди пустыни. Острова в виде пальм. Лучшие в мире курорты и много иных чудес. Сейчас там строятся огромные торговые центры. Это целые крытые города. В одном из таких центров сплошное стекло аквариума около 400 кв. м. Все общественные здания, построенные в этом регионе, могут быть

v Парфенон – символ непобедимости классики

охарактеризованы, как огромные климатроны. Там рождается новое отношение к архитектуре. Рождается новое понимание пространства. Там рождаются элементы того, что мы пытаемся назвать «постфункционализм».

Европа, не говоря о России, невероятно далека от подобных строительных масштабов. И мы стараемся их не замечать. Они же варвары, а архитектура их примитивна и безвкусна. То ли дело в Голландии. Но вспомним, не так ли Европа воспринимала американскую архитектуру до 50-х годов прошлого века? «Город желтого дьявола». «Варварская демонстрация денег». Однако эти «варвары» дали миру десятки великих зодчих, не говоря о сотнях элитных построек. Сейчас Америка стала фактически лидером мировой архитектуры. Не по такому ли пути идет Азия, постоянно генерируя новое. И не только Азия. А Южная Америка?!

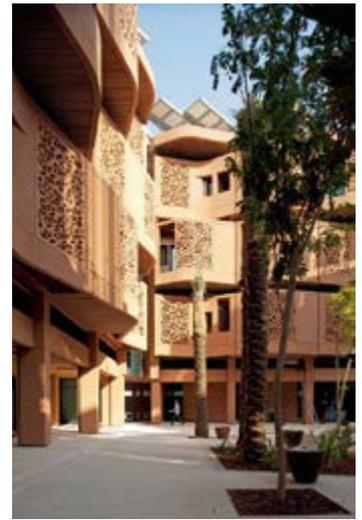
Стиль и красота. Небольшое отступление. Речь пойдет о стиле и красоте. Мы привыкли к тому, что архитектуру характеризует смена стилей. Их изучают. О них пишут книги. Как-то одна богатая заказчица пыталась у меня выяснить: «А скажите, чем ар-деко отличается от ар-нуво?» Интересовались и корреспонденты: «А что за стиль в лужковской Москве?» Стыдно признаться, что нет больше привычных стилей, а новые «этикетки» еще не навешены. Их и вешать некуда. Раньше две-три страны формировали стиль. Да и появлялись они как-то синхронно, друг на друга похожие. Например: ар-нуво, сецессион, модерн, югендстиль, стиль либерти. По традиции, функционалисты тоже формировали свой интернациональный стиль, легко узнаваемый и сегодня. Но продержался он недолго. Возможно, формируется новый этап развития архитектуры – «безстильный» или

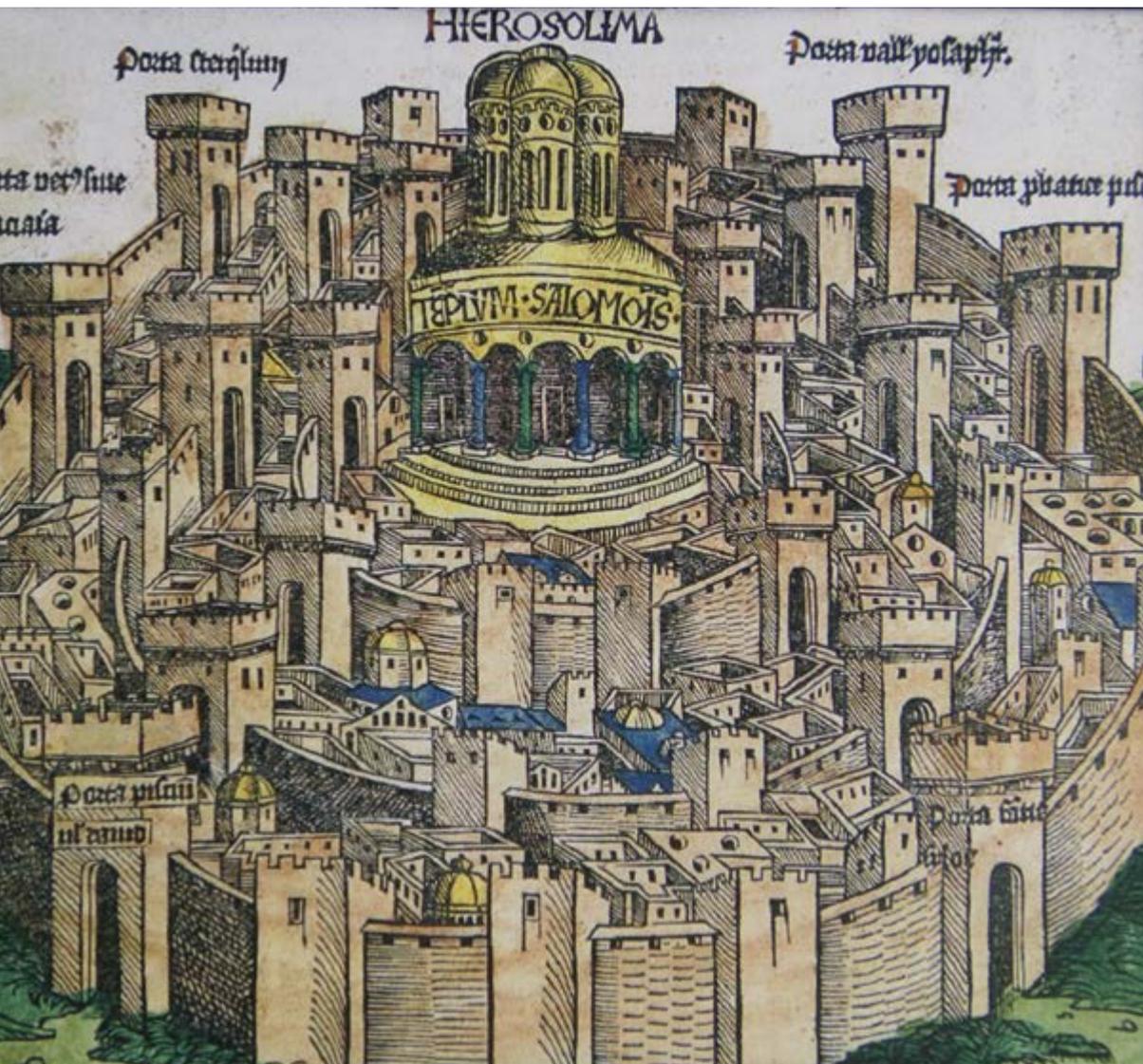
^ Идеальный город Ренессанса

^ Роб Крие. Пешеходное жилое образование, спроектированное «на манер» средневекового городка

^ Тенистая пешеходная улица Масдара. Машины и инфраструктура внизу под семиметровой плитой

^ Целостный и неделимый город Средневековья

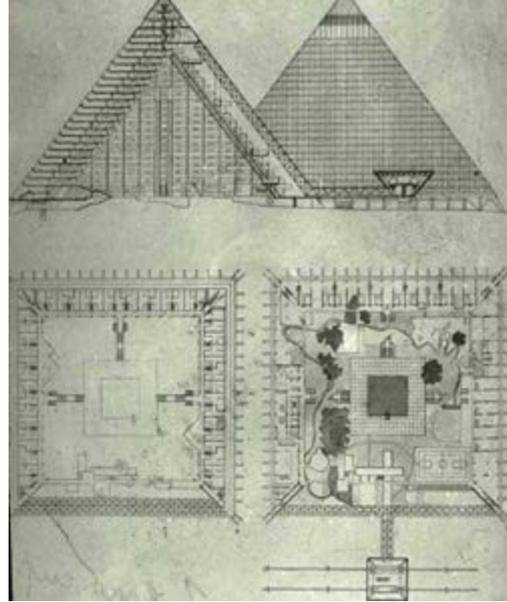
«многостильный» (что, в сущности, одно и то же).

Меняется и представление о красоте. Развенчан миф о том, что есть хорошая и плохая, красивая и некрасивая архитектура. Мы начали понимать, что всеобщей, универсальной красоты не существует! Человек воспринимает красоту только так, как он воспитан. Мы видим только то, что знаем и понимаем. Так японец собирает ничего не значащие камни. Ставит их на распаханный гравий и получает сад камней – место медитации и эстетического любования. Но для русского крестьянина это просто делянка для выращивания капусты, а камни – досадная помеха. Господство в последние годы инсталляционного искусства вообще обесценило само понятие красоты (не говоря уже о стиле). Теперь эстетизировать можно любую среду: разваливающиеся города, покосившиеся здания, ржавые лестницы, кирпичные стены, покрытые осыпающейся штукатуркой, металлоконструкции столетней давности... Таким образом, исчезает грань между архитектурой и не архитектурой. Наступает новая эра, где представление о красоте настолько расширилось, что начинает терять всякий смысл.

Выяснилось, что вообще любые оценки не стабильны. То, что сегодня выглядит красиво, завтра может стать уродливым, и наоборот. Вспомним резкие повороты в отношениях к конструктивизму, русскому модерну или сталинскому ампиру за последние десятилетия. В этом нет ничего удивительного.

^ Инфраструктура, основа любого современного поселения, особенно актуальна в исторических городах

^ Компактный крытый город для сибирских сырьевых разработок

Известный шотландский философ Дэвид Юм предупреждал: «Прекрасное не есть качество, существующее в самих вещах; оно существует исключительно в духе, созерцающем их, и дух каждого человека усматривает иную красоту. Поиски подлинно прекрасного или подлинно безобразного... бесплодны» [1]. Ему вторит Умберто Эко: «Наши представления о красоте меняются не только в зависимости от исторической эпохи. Но даже и внутри одной эпохи, и даже внутри одной страны могут быть разные эстетические идеалы» [2].

Но и это еще не все. Города непрерывно растут. Количество зданий претендующих на высокое архитектурное «звание» стремительно увеличивается. Даже профессионалы не успевают их фиксировать, не говоря о простых жителях. Отдельные сооружения перестают волновать. Конечно, иногда строятся уникальные объекты. Но если раньше они долго служили маяками современной архитектуры, то теперь их трудно задержать в сознании. Все чаще вчерашние шедевры начинают раздражать, и их без сожаления сносят, как, например, снесли знаменитый Дом политпросвещения на Трубной площади.

Города. Итак, расширяются привычные представления о стиле, красоте, гармонии и даже о целях архитектурного творчества. Архитектура в определенной мере насытилась бесконечным количеством форм и стилей. Кроме того, путь от рисунка к постройке стал много

короче. Гармоничная пропорциональность, необычность формы или ее притязательность перестают нас волновать, поскольку построить можно что угодно. В этой ситуации меняется сама парадигма архитектуры. Становится важной не форма сооружения, а то, как оно включается в городскую среду. Только системы зданий, объединенные в улицы, комплексы, центры или моллы, способны вызвать интерес. Это уже не та архитектура, к которой мы привыкли. В зодчестве начинает лидировать не здание, а преднамеренно созданный «городской интерьер». Изменились и масштабы строительства, и их сроки. Вспомним десятиллионный китайский город Шанжень, построенный за полтора десятилетия. Поэтому, скорее всего, основой грядущего постфункционализма станет не сооружение, а интегрированная городская среда. Вспомним, что еще Н. Ладовский утверждал: «... материал архитектуры это пространство, а не камень». Сегодня это пространство города [3].

Город – это комплексное явление, состоящее из массы разнообразных объектов. Поскольку советские города всю вторую половину прошлого века на архитектурные шедевры не претендовали, наши рассуждения о значимой городской среде касались лишь городов исторических. Нечто похожее происходило и на Западе. Так появились первые пешеходные улицы, «скорректированные» Бакемой и ван ден Бруком. Так в Сингапуре среди небоскребных скелетов

возникли великолепно отреставрированные трехэтажные кварталы. Люди старались не разрушать уникальный облик Венеции, Брюгге, Вены или Флоренции. Разрабатывались сложнейшие процедуры, контролирующие появление в этих городах новых объектов. Но есть и другие города. Города, не имеющие лица. Таких в России тысячи.

Как ни странно, большинство крупных городов обладают уникальным свойством – «всеядностью». Со временем они «пожирают» и «переваривают» любые объекты. Отторжения довольно редки. При этом новые здания не всегда подчиняются окружению. В городской среде они могут как «лидировать», так и «диссонировать». Центр Москвы изобилует подобными ситуациями. Тут соседствуют ампир, эклектика, модерн, русский стиль, конструктивизм, пролетарская классика, хрущевский примитивизм и лужковские башенки. Все это и создает неповторимую городскую среду Москвы. Но новые города, видимо, будут иными.

В будущем нам все чаще придется создавать новые города со сложной внутренней пластикой⁵. Это будет не только подражание старым образцам. Новые и сверхновые градостроительные идеи могут воплощаться в иные формы. Видимо, одно из направлений будущего постфункционализма – это город как единое сооружение с бесконечным перетеканием интерьеров в экстерьеры. Нечто подобное уже начинает появляться. Это небольшие города, построенные как еди-

5. Новые города России будут появляться не только ввиду роста населения, но и из-за катастрофического старения жилого фонда и растущей нормы квадратных метров на человека.

6. В последнее время появились экогорода Хамерби в Швеции и Куритиба в Бразилии.

ное сооружение. Так, Бофил и Крие проектируют и с успехом строят поселения, используя градостроительные стандарты лучших городов прошлого. Но есть города новой генерации.

В Эмиратах, в Абу-Даби, вблизи международного аэропорта, строится по проекту Нормана Фостера город будущего – Масдар (в пер. с араб. «источник») [4]. Университетская его часть уже построена. Город рассчитан на 50 тысяч постоянно населения и 100 тысяч дневного. Город очень плотный. Этажность средняя. Улицы узкие и прохладные. Часть центра перекрыта панелями с солнечными батареями. Рядом, в пустыне, сооружены целые поля солнечных батарей, дающих городу электроэнергию. Город построен из материала экологически безопасного. Кроме того, Масдар полностью пешеходный. Это достигается тем, что он построен на плите, поднятой на 7 м над землей. Под ней расположен транспорт, как личный, так и общественный, включая метро, связывающее его с городом. Там же находится единая инфраструктура, регулирующая потребление городом воды, тепла и энергии. Она контролирует все виды выбросов, в том числе и в атмосферу. Это тот случай, когда город не изолируется от природы, а напротив, пытается спасти природу от своего воздействия.

По функции это знакомый нам с советских времен наукоград, построенный, однако, по технологиям XXI века. Масдар не только экологически совершенный город⁶ – он

^ Берлин. Площадь Сони-Центра

7. СЖО (система жизненного обеспечения) – термин, применяющийся при постройке обитаемых космических станций. Системы инженерного оборудования современных суперзданий по своей сложности приближаются к космическим образцам.

позиционируется как всеарабский центр изучения экотехнологий. Изучая тенденции архитектуры XXI века, нам следует обратить особое внимание на этот город (было бы полезно сравнить его со Сколково). Прежде всего, это компактное городское образование. Компактность была вызвана не только климатом. Мощный инфраструктурный подиум требовал компактности. Перекрытые пространства, наряду с пешеходностью города, также требовали плотности. Традиционное скопище домов, рассыпанных, как овцы по лугу, не подходило для новой высоко технологичной городской застройки. Не следует думать, что подобные плотные города – явление уникальное. Вспомним самодостаточные античные города (Апамея, Пальмира, Герасса и Лептис-Магна), города Средневековья или Ренессанса (Пальмира Нуова). Вспомним советские проекты «алмазных» городов шестидесятых (Якутская стеклянная пирамида архитектора А. И. Шипкова) или заполярный «золотой» город вблизи Билибино. Элементы нового градостроительства можно найти в современных хабах. Аэропорт Хитроу, например, пропускает до 150 тысяч пассажиров в день. Это гигантская многоуровневая структура со своим обслуживанием и уникальным внутренним электротранспортом. Моря бороздят десятки экологически чистых круизных лайнеров, вмещающих более 10 тысяч пассажиров. Это фактически модели экогородов. Наконец, современные небоскребы.

Их обслуживают мощные инженерные структуры, контролирующие все системы СЖО⁷. К ним близки и суперсовременные промышленные предприятия. Характерно, что почти все перечисленные выше объекты предельно компактны, и развиваются они только до определенных пределов. Сложная инженерная суперсистема, их обслуживающая, не в состоянии непрерывно менять параметры. Если современные города растут как плесень, стихийно захватывающая окружающие территории, то города нового поколения, скорее всего, будут компактными и размножаться станут единицами, как развиваются более совершенные живые существа.

Образ таких городов будет, видимо, для нас не вполне привычен. Это будет единый организм, где роль и место каждого элемента заранее определена. Это город, в котором возобладают крытые, пассажные улицы и площади (например, крытая площадь Сони-центра в Берлине). Это город экстерьеров и интерьеров, перетекающих друг в друга.

Естественно, в огромной России это не станет единственной формой расселения. Мегаполисы, накопившие многовековые традиции, будут развиваться по своим законам. Останется и будет совершенствоваться такая уникальная, типично российская форма поселений, как дача. Будут совершенствоваться и сельские населенные пункты. Но следует уяснить, что мировая, и особенно российская, архитектура никогда не станет прежней. Надо

осознать это. Надо принять это. Надо целенаправленно и углубленно, в виде построек, статей, исследований или пластических фантазий, прогнозировать будущую среду обитания. Мы прогнозируем развитие военной техники, автостроения или авиации на десятилетия вперед. Странно, но в архитектуре, от которой зависит наша жизнь, мы этого практически не делаем. Не делаем даже, если речь идет о перспективе развития городов. А следовало бы. Если мы хотим выжить в этом быстро меняющемся мире, то нужно активизировать в этом направление весь наш технический и интеллектуальный потенциал.

Не следует уповать на Запад. У России в последнее столетие была уникальная история, уникальная экономика, уникальное градостроительство. Территория России огромна. В результате у нас сложилась совершенно особая система расселения. Следует осознать, что российские города всегда будут иными, чем города в Нидерландах, Тироле, Огайо, Сычуани или Эр-Рияде. Если мы не будем искать свой путь, как бы ни пришлось в скором времени унижено подражать высотным «дезодорантам» из Шанхая, «раквинам» из Дубая или «архитектурным имитациям» из Лас-Вегаса!

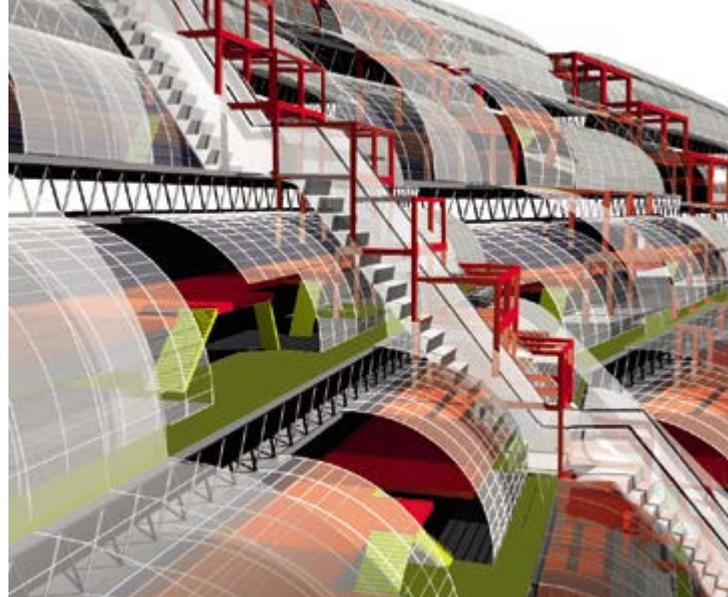
Илья Лежава / Ilya Lezhava

Литература

1. Юм Д. О норме вкуса. – М. : Эстетика, 1979. – С. 27.
2. История красоты / под ред. У. Эко. – М. : Слово, 2007. – С. 246.
3. Современная архитектура. – 1929. – № 4. – С. 143–144.
4. Бабуров В. Город солнца // Галерея недвижимости. – 2013. – № 5 (113). – С. 31–35.

References

- Baburov, V. (2013). Gorod solntsa [Sun City]. Galereya nedvizhivosti, 5 (113), 31–35.
- Eco, Umberto (Ed.). (2007). Istoria krasoty [History of beauty]. Moscow: Slovo.
- Hume, D. (1979). O norme vkusa [Of the Standard of Taste]. Moscow: Estetika.
- Sovremennaya arhitektura. (1929), 4, 143–144.

^ «Дышащие» жилые структуры города будущего

^ Современные пешеходные пространства

v Современная транспортно-пешеходная среда

